

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

К 80 - летию со дня рождения А. А. Фадеева

Из Москвы во Владивосток мы летели семь часов. Всего семь часов. Целых семь часов. Где-то внизу проносились степи, горы, таежные массивы, огненные разливы городов и тускло поблескивающие реки.

Мы улетели вечером. Краткие сумерки, потом густая тьма, чернота в круглом колыске иллюминатора, но и тьма была краткой — часа два, не больше. А потом снова дымка, полумгла, рассвет. И откуда-то снизу, из-под тонкой дуги горизонта выкатилось и полетело нам навстречу огромное, расплавленное, чуть размазанное по небу солнце. Еще два часа полета — и посадка. Мы во Владивостоке.

Сто пятьдесят литераторов со всех концов страны собрались в Москве и отправились в Приморье, на родину А. А. Фадеева, чтобы участвовать во всесоюзной творческой конференции, посвященной его восьмидесятилетию. Семичасовый перелет стал будто бы ключом ко всему, что происходило на конференции и в последующие дни, заполненные поездками, встречами, впечатлениями. Наш самолет все еще пробивал уплотняющуюся стену времени, прорываясь в иные миры, иные измерения, соединяя их собой, своим движением — стремительным и плавным.

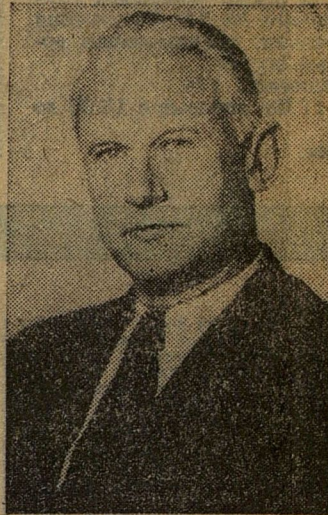
Приморье — удивительный край, и много про это написано, рассказано. Горными краями издаленный от остальной Сибири, промытый муссонами Тихого океана, этот край соединил в себе медлительность Востока и суровость Севера, жаркое дыхание совсем близкого здесь тропического Юга и постоя-

ную, ни на минуту не рвущуюся связь с центром нашей страны.

Но не только стороны света соединяет в себе роза ветров Приморья, она сохраняет время. В самом Владивостоке, красивейшем, вонзающемся своим полуострова в океанские заливы, время круглыми дугами идет от берега в сопки: старый город, потом город времен первых пятилеток, потом город послевоенный, потом новый город, обещающий стать красивее всех. Ибо если старый город уже сам стал частью природы, «вписавшись» в нее, то Владивосток нашего времени так и задуман, так и строится, органично включая в себя сопки и распадки, перелески, кусочки тайги.

Память стен, память мостовых, память гравитации на площади борцов за Советскую власть в Приморье. Но и не только она...

А еще — живая память человеческих лиц, судеб, сердечного и крохотного родства. Над сценой в областном драматическом театре, где проходила конференция, — портрет Александра Фадеева, красивого, русоволосого, широко улыбающегося. Таким знала Москва одного из первых руководителей Союза советских писателей, принявшего эстафету от Горького, первой же книгой своей — романом «Разгром» — вошедшим в советскую литературу прочно и плотно.

Но улицы, соседствующие с театром, помнят его и другим. Помнят политкомиссаром Приморской Красной Армии, совсем молодым, страстным, горячим, не знающим удержу в дружбе и гневе.

А чуть дальше от города — в сопки, в осеннюю, удивительную по краскам, с неизвестными деревьями, с густыми лианами тайгу — там партизанские тропы помнят комсомолец Сашу Булыгу — будущего писателя Фадеева. Тогда он был рядом с Левинсоном, Метелицей, Морозко. Они стали литературными героями, а были героями и друзьями, братьями и товарищами.

В таежном райцентре Чугуевка, где мы торжественно открывали музей Александра Фадеева, мы видели людей, сражавшихся вместе с ним, друживших с ним, знавших его.

И еще сотни — ибо приехали туда люди со всего края — тех, кто прикоснулся к жизни Фадеева через его книги. Приехали в Чугуевку студенты владивостокских вузов. Незавершенный роман писателя назывался «Последний из удэгей». Мы встречались с молодыми удэгейцами, нанайцами, будущими инженерами и моряками, филологами и историками. И вместе с нами ездил по краю Григорий Ходжер — первый нанайский писатель, известный всей стране писатель народа, про который никто ничего не знал еще полвека назад, в котором еще сорок лет назад не было грамотных, ибо не было письменности.

В Приморье, в океанском заливе, где, чуть покачиваясь, терся бортом о пирс большой противолодочный корабль, мы встретились с земляками с Украины. Крепкие черноусые парни недавно вернулись из дальнего боевого похода.

— У нас экипаж в основном из Белоруссии и с Украины. В походе завели усы. Как усы темные — считай, украинец, как светлые — белорус, — шутил командир, показывая нам корабль — боевую еди-

ницу Краснознаменного Тихоокеанского флота.

В столовой экипажа на телевизоре лежала раскрытая книга. «Молодая гвардия».

Самый старый на корабле моряк мог бы быть теперь сыном самого юного молодого гвардейца.

Время спрессовывалось, густело, словно еще продолжался наш полет, словно мы все еще пробивали плотную стену воздуха.

Среди писателей, прилетевших во Владивосток, были ровесники Александра Фадеева, его друзья. И был его сын, Михаил, ровесник уже моего поколения. От «Разгрома» до нынешних книг советских писателей, от коммерческого училища во Владивостоке до сегодняшних девяти вузов, от забытой богом Чугуевки до нынешнего райцентра, от дальней окраины, куда Советская власть пришла на два, а то и на три года позже, чем в другие края нашей Родины, — до сегодняшнего Приморья — так плотно сгустилось время!

Первый секретарь Приморского крайкома КПСС В. П. Ломакин, один из инициаторов нашей конференции во Владивостоке, рассказывая о своем крае, пошутил: «У нас тут широта крымская, а долгота колымская. Отсюда вся природа».

Над заливом поднимается громада Русского острова. По шоссе над портом несутся КамАЗы. В сквере бегают мальчишка в майке с надписью «Одесса». Один кинотеатр возле гостиницы называется «Океан». Другой — «Москва». Можно пойти от «Океана» до «Москвы» за двадцать минут...

Ю. МИХАЙЛИК